

Бѣгле и нрѣпостные въ Черноморіи.

Южно-русскія окраины по справедливости могутъ быть названы своего рода историческимъ притономъ для людей не мирившихся съ тяжелою экономическою долею и вольнолюбивыхъ. Тутъ, какъ извѣстно, образовалась Запорожская Сѣчь и донское войско, долго служившія потомъ мѣстами убѣжища для разнаго рода бѣглецовъ отъ папской неволи и гнетущихъ жизненныхъ условій. Такую-же роль игралъ отчасти и новороссійскій край. Херсонская губернія и теперь еще извѣстна у народа подъ именемъ „невинчанной губерніи“, т. е. губерніи населенной людьми вольнообрачными, вступавшими въ брачный союзъ безъ церковнаго обряда, за отсутствіемъ метрикъ и официальныхъ указаній на личность, безъ чего, какъ извѣстно, нынѣ не „вѣчаютъ“. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія была образована Черноморія, сѣверо-западная часть нынѣшней кубанской области, то и въ этотъ, до сихъ поръ идеально желательный для южно-русскаго переселенца, уголокъ ушло не мало бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь козацкой воли, свободныхъ земель и хозяйственнаго простора.

Притокъ въ Черноморію бѣглыхъ элементовъ начался одновременно съ заселеніемъ края. И это вполне понятно. Черноморія оказалась наслѣдницею Запорожья, а Запорожье было роднымъ и законнымъ дѣтищемъ такихъ элементовъ. Бѣгле потянули, стало быть, въ Черноморію въ силу обычая, историческихъ прецедентовъ. Фактъ и обычай были на столько заразительны въ этомъ отношеніи, что, какъ увидимъ ниже, даже официальные документы не могли освободиться отъ смягчающаго вліянія ихъ на вопросъ о бѣглецахъ. Да иначе и не могло быть. Сами соціальныя условія способствовали тому. То было время, когда грубая сила и произволъ пана-помѣщика

часто не имѣли никакихъ границъ и когда самымъ дѣйствительнымъ протестомъ противъ насилія служилъ именно побѣгъ. Такъ представители черноморскаго войска, оставленные въ Екатеринославѣ въ качествѣ депутатовъ для защиты интересовъ переселенцевъ въ Черноморію, жаловались въ 1796 г. таврическому губернатору Жегулину, что „козаковъ изъ бывшихъ запорожцевъ многіе помѣщики отдають въ рекруты, отрѣзываютъ чуприны, бьютъ безчеловѣчно, отправляютъ въ тюрьмы, не смотря ни на какія ихъ (козаковъ) доказательства“, и что за одно съ помѣщиками дѣйствовали и земскія начальства. Изъ той-же жалобы видно, что помѣщики новомосковскаго уѣзда секундъ-майоръ Куличенко просто убили козака каневского куреня Кирилла Башмаченка¹⁾. Если такимъ образомъ поступали съ вольными козаками, то что-же приходилось выносить подневольнымъ людямъ? Естественно, что побѣги были самымъ естественнымъ отвѣтомъ на все то, что ложилось на спину этого безправнаго люда.

На первыхъ порахъ заселенія Черноморіи возникла довольно интересная переписка между войскомъ, съ одной стороны, и гражданскими властями екатеринославскаго намѣстничества, которому было подчинено черноморское войско, съ другой. Войсковая администрація жаловалась на то, что помѣщики не выпускали въ Черноморію людей, принадлежавшихъ войску; гражданскія власти требовали формальныхъ доказательствъ такой принадлежности, такъ какъ въ число переселенцевъ въ Черноморію попадали люди, не принадлежавшіе войску. Обѣ стороны были конечно правы по своему, но центръ тяжести, очевидно, лежалъ въ томъ обстоятельстве, что крѣпостные дѣйствительно бѣгали въ Черноморію. Этому отчасти способствовали и представители войска. Относительно войскаго судьи Антона Головатаго извѣстно, что онъ выдавалъ за своею подписью, подъ вымышленными фамиліями, паспорта крѣпостнымъ людямъ для переселенія въ Черноморію²⁾. Ему помогали въ этомъ отношеніи священникъ села Очеретовскаго, новомосковскаго уѣзда, Емельянъ Марковъ и мѣст. Новоселицы Романъ Порохня. Въ 1794 г. довѣренный генераль-прокурора Самойлова Чер-

¹⁾ «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бевтковскаго, стр. 23.

²⁾ Тамъ-же, стр. 26—30.

нявскій жаловался таврическому губернатору на то, что хорунжій черноморскаго войска Семепъ Бурносъ, „пріѣхавши съ командою, ночью разставя вездѣ караулы, взялъ съ собою на Тамань изъ слободы Князь-Григорьевки (теперь въ дѣбировскомъ уѣздѣ, таврической губерціи) принисанныхъ къ той слободѣ въ подданство 26 семей и просилъ отыскать ихъ, а съ хорунжимъ Бурносомъ „поступить по законамъ“¹⁾). Но главная пружина, двигавшая крѣпостныхъ, лежала конечно не въ поворствѣ черноморскаго войска бѣглецамъ, а въ общихъ соціальныхъ условіяхъ того времени. Большинство крѣпостныхъ бѣгало по собственному желанію и почину, а Черноморія служила только однимъ изъ удобныхъ мѣстъ для такихъ побѣговъ. Такъ видимо смотрѣло на дѣло и само правительство, ограничиваясь общими постановленіями на этотъ счетъ.

Уже въ грамотѣ 1 іюля 1792 г. говорится, что, во время прохода на пожалованную землю, войско черноморское „да возвратитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ російскихъ, какъ тогда, такъ и впредь по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ къ оному являющихся“²⁾). Если принять во вниманіе то соображеніе, что приведенныя слова грамоты служатъ отвѣтомъ на прошеніе войска о „совмѣстномъ поселеніи“ тѣхъ изъ его членовъ, которые „неподлежаще присвоены помѣщиками въ подданство“ и которыхъ могло-бы „собраться самаго мужскаго пола на двадцать пять тысячъ“³⁾, то не трудно конечно понять, почему правительство внесло въ законодательный актъ такую общую оговорку о непріемѣ въ войско бѣглецовъ. Это была обычная дань времени въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ. Впослѣдствіи и правительство, и войско не разъ прибѣгало къ этому мало успокоивавшему отводу глазъ отъ дѣйствительности. Такъ въ грамотѣ Александра I, данной 31 мая 1803 г., выражается надежда, что войско „не позволитъ себѣ принимать изъ внутри Россіи никакихъ людей, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, ибо подобныя переходы противны общему порядку и благоустройству государства“⁴⁾). Съ своей стороны, и войско не-

¹⁾ «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бевтковскато, стр. 30.

²⁾ «Черноморцы», Короленко. Прилож. XXII, стр. 23.

³⁾ Тамъ-же, прил. XVIII, стр. 22.

⁴⁾ Тамъ-же, прил. 13, стр. 61 и 62.

однократно дѣлало постановленія въ томъ-же духѣ. Такъ, въ „Инструкціи черноморскаго правительства окружнымъ правленіямъ“ 1794 г., въ пунктѣ 6-мъ говорится: „окружное правленіе бдѣние имѣеть, чтобы въ округѣ никто бѣглыхъ людей не принималъ, не держалъ и не укрывалъ“¹⁾. Отбирались даже подписки отъ куренныхъ обществъ о неприемѣ бѣглецовъ въ свою среду. Все, разумѣется, терѣла бумага.

Но между такими, звучащими вынужденнымъ формализмомъ, постановленіями и практикою всегда лежала значительная пропасть. Вотъ характерный фактъ въ этомъ отношеніи. 6 іюля 1793 г. войсковая администрація рапортомъ своимъ доносила таврическому губернатору, что въ Черноморіи „малороссійской породы люди, войску черноморскому не принадлежащіе, шатаются нѣкоторые съ женами и дѣтьми тайнымъ образомъ на войсковой землѣ по неприему, украдаясь промежду войсковыми жителями, подъ видомъ польскихъ выходцевъ, скрываются“. Хотя, поясняетъ рапортъ, войсковымъ старшинамъ и козакамъ и извѣстно, что такихъ шатающихся и прячущихся людей нельзя держать, но старшины и козаки такъ заняты „домостроительствомъ и хлѣбопашествомъ“, что положительно не имѣютъ времени „пересматривать постороннихъ людей“. Что-же касается присылаемыхъ въ войско сообщений „съ именами, прозваніями и примѣтами“ бѣглыхъ, то по этимъ указаніямъ нельзя отыскать людей, „бѣжавшихъ отъ разныхъ російскихъ помѣщиковъ“, потому что „таковые бѣглецы промежъ войсковыми жителями скрываются перемѣною именъ и прозваній“. Эти нехитрые объясненія въ рапортѣ заключаются довольно ловкимъ предложеніемъ: „не можно-ли итцамъ для опознанія своихъ людей присылать повѣренныхъ съ письменными доказательствами“ въ Черноморію?²⁾.

Посылали-ли „истцы“, т. е. помѣщики, своихъ довѣренныхъ въ Черноморію, не извѣстно, но послѣдующія оффіціальныя данныя указываютъ, что послышки эти могли сводиться ни къ чему въ практическомъ отношеніи. Черноморія дѣлала на столько гостепримный пріемъ Иванамъ, непомятымъ родства, что отыскать ихъ было

¹⁾ «Черноморцы», Короленко. Прил. XXVII, стр. 39.

²⁾ Вентковскій, «Матеріалы» п пр., стр. 2.

трудно, а возвратить на родину еще труднѣе, чтобы не сказать невозможно. Да и какъ иначе могло относиться черноморское войско, когда въ основѣ и его возникновенія, и существованія Запорожской Сѣчи лежалъ постоянный притокъ бѣглецовъ? Въ сущности, когда Потемкинъ-Таврическій „предporučилъ Сидору Вѣлому и Антону Головатому собрать охотниковъ, и конныхъ и пѣшихъ, для лодокъ, изъ служившихъ въ бывшей Сѣчи Запорожской козаковъ“¹⁾, или когда тотъ-же Потемкинъ-Таврическій дозволилъ Захарію Чепегѣ „набрать охотниковъ изъ свободныхъ людей“²⁾, давался широкій просторъ для пріема въ число охотниковъ бѣглыхъ людей. Кто не могъ въ то время быть запорожскимъ козакомъ и каково бѣглець былъ на столько глупъ, чтобы не выдать себя за свободного человека? Съ другой стороны, и тогдашніе всемогущіе помѣщики, населяя свои обширныя помѣстья въ новороссійскомъ краѣ, не клали охулки на руку и, умышленно не отличая своего отъ чужаго, всѣхъ старались зачислить къ себѣ въ подданство“. Недаромъ впоследствии наказный атаманъ черноморскаго войска Т. Т. Котляревскій, въ своемъ докладѣ о нуждахъ войска императору Павлу, жаловался, что въ „новороссійской губерніи“ осталось много поженившихся козаковъ бывшаго Запорожья, именно: во Второмъ Кодакѣ, въ Голой Камянкѣ, Половицахъ, Новомъ Кодакѣ, Таранскомъ, Сухачевкѣ, Карнауховкѣ, Трегузномъ, Камянскомъ, Романковомъ, Жовтой, Зеленой, Петровкѣ, Кудовкѣ, Вельможей, Московкѣ, Богородичномъ, Камянкѣ, Сокольскомъ, Бригадировкѣ, Ревуловкѣ, Паньковкѣ, Шульговкѣ, Новосельцахъ, Петриковкѣ, Галушковкѣ, Сѣрковкѣ, Продановкѣ, Лизповой, Цеглянкѣ, Габенковкѣ, Половещанахъ, Могилевкѣ, Бабайковой, Гуцаловкѣ, Котовкѣ, Козарцинѣ, Перещелиной, Барвинковомъ Степкѣ и Камышеватой, что, изъ числа жившихъ въ этихъ 42 селеніяхъ, „нѣкоторыя уже переселены въ другія той губерніи мѣста“ и что „сверхъ вышеписанныхъ селеній, по упраздненіи бывшей Сѣчи Запорожской, въ той-же губерніи поселены изъ запорожцевъ цѣлыя города, селенія и помѣщичьи слободы“³⁾. Очевидно, что это была не пустая жалоба, какъ-бы тамъ она ни была преувеличена.

¹⁾ Короленко, прил. 1, стр. 1.

²⁾ Тамъ-же, прил. 11, стр. 2.

³⁾ Тамъ-же, прил. 5, стр. 53.

Однимъ словомъ, благодаря царившей въ то время путаницѣ въ вопросѣ о свободныхъ людяхъ, бѣглецахъ и бывшихъ запорожцахъ, на всякій спорный фактъ можно было смотрѣть и съ точки зрѣнія деспота-помѣщика, и съ точки зрѣнія войска-колонизатора. Каждая сторона считала себя правой, но на сторонѣ помѣщиковъ была грубая сила, а на сторонѣ войска симпатія народа. Понятно, на чью сторону должны были склониться въ концѣ концовъ вѣсы; понятно также, что и черноморское войско не могло ни индифферентно, ни тѣмъ болѣе съ отпоромъ отважиться „къ умноженію своихъ людей“ пріемомъ въ казачью среду разнаго рода бѣглецовъ.

Зная такой грѣхъ за черноморцами, само центральное правительство видимо съвозъ пальцы смотрѣло на желанія войска увеличить свое народонаселеніе контрабанднымъ путемъ. Въ 1808 г. тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, въ докладѣ Александру I-му о необходимости переселенія въ Черноморію 25 тысячъ козаковъ изъ малороссійскихъ губерній, въ числѣ мотивовъ приводитъ между прочимъ то соображеніе, что переселеніе это могло бы парализовать приливъ въ Черноморію бѣглыхъ людей. По свидѣтельству этого министра, Черноморія оцущала сильную убыль въ людяхъ, благодаря непріязненнымъ отношеніямъ къ козачеству кавказскихъ горцевъ. Чтобы пополнить, поэтому, убыль въ населеніи, войско „принужденнымъ себя находило прибѣгать къ средствамъ, какія прежде были употребляемы, то есть, къ склоненію изъ разныхъ мѣстъ полуденнаго края Малороссіи людей всякаго званія къ побѣгу въ ихъ сословіе“¹⁾. Такимъ образомъ, обычный по тому времени грѣхъ совращенія крѣпостныхъ въ особую вину войску министромъ не ставился—войско вынуждено было. Въ министерскихъ правилахъ о переселеніи было только постановлено не принимать къ поселенію „таковыхъ, кои не будутъ имѣть надлежащихъ для того отъ малороссійскаго генераль-губернаторства свидѣтельствъ“, пересылая ихъ обратно чрезъ земскую полицію на прежнее мѣсто-жительство. „Мѣра сія, объясняется въ докладѣ, болѣе всего пріемлется на тотъ конецъ, чтобы, подъ предлогомъ дозволеннаго переселенія козакамъ, не могли воспользоваться симъ и помѣщичьи крестьяне и наипаче бѣглые разнаго рода люди“²⁾. Само собою

¹⁾ Бешковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 60.

²⁾ Тамъ-же, стр. 64 и 65.

понятно также, что „мѣра сія“ не удерживала ни бѣглецъ отъ желанія уходить „въ козаки, въ Черноморію“, ни самихъ черноморцевъ отъ искупленія принимать въ свою среду бѣглецовъ. Когда въ 1820 г. правительствомъ вновь было рѣшено переселить 25 тысячъ душъ мужскаго пола изъ малороссійскихъ губерній, то одинъ изъ параграфовъ, заимствованныхъ изъ правилъ 1808 г., гласилъ о томъ, чтобы „войску не дозволять принимать другихъ поселенцевъ, кромѣ назначенныхъ въ спискахъ“¹⁾. Видно, практика далеко не согласовалась съ писанными правилами и постановленіями.

Но черноморцы не ограничивались одною пассивною ролью въ дѣлѣ водворенія на вновь колонизируемой землѣ бѣглыхъ элементовъ. Какъ показываютъ отмѣченные выше факты относительно войскового судьи Антона Головатого и хорунжаго Семена Бурноса, они сами являлись инициаторами въ этомъ дѣлѣ, не прочь были выдать при случаѣ фальшивый паспортъ или прибѣгнуть даже къ насилію. Этого мало. Когда черноморцы совсѣмъ переселились изъ-за Буга на новое мѣстожителство, то, все съ тою-же цѣлью привлеченія въ свою среду бѣглыхъ элементовъ, они завели даже на прежнихъ мѣстожителствахъ особыхъ агентовъ. Тотъ-же министръ Александра I, слова котораго мы привели выше, говоритъ между прочимъ объ этомъ: „съ изданіемъ указа, коимъ всѣ переходы поселенцевъ съ мѣста на мѣсто воспрещены, побѣги (крестьянъ) нѣкоторымъ образомъ прекратились, но со всѣмъ тѣмъ войско черноморское *посредствомъ своихъ повѣренныхъ* находило способы увлекать на землю свою людей тайно, что можетъ быть и донынѣ еще продолжается“; и оно, говорится далѣе, „по необходимости поступать на сію непопозволенность, какъ-то и дѣйствительно полагать должно“. Такимъ образомъ, черноморское войско не только принимало и укрывало бѣглецовъ, но и само завлекало ихъ чрезъ повѣренныхъ.

Если теперь отъ официальныхъ документовъ мы перейдемъ къ области устнаго преданія и воспоминаній старожиловъ, то и здѣсь найдемъ не только подтвержденіе сказаннаго выше, но и нѣкоторыя разъясненія тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми обуславливалось и поддерживалось на мѣстѣ, въ Черноморіи, разсматривае-

¹⁾ Бевтковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 80.

мое явленіе. Черноморія прожила всего 90 лѣтъ, и вполнѣ естественно, что въ ней и теперь еще можно найти не мало людей когда-то, по остроумному выраженію малороссовъ, „накивавшихъ пятами“ на родину и еще больше такихъ, у которыхъ были бѣглецами отцы и дѣды. По общему говору народныхъ преданій, Черноморія въ разное время приняла и усыновила, какъ родныхъ дѣтей, достаточное количество людей, уходившихъ „изъ подъ пановъ“ и „отъ неволи“. Въ прежнее время, рассказываютъ старожилы, когда, бывало, „прибѣжить кто-нибудь изъ Россіи“ и когда Господь Богъ поможетъ ему благополучно переправиться черезъ рѣку Ейску¹⁾, т. е. чрезъ р. Ею, служившую пограничною чертою Черноморіи со стороны Россіи, „то уже и бувъ свій чоловікъ“. Это, по рассказамъ, вошло даже въ обычай. Преслѣдовали бѣглеца только до р. Еи, и если онъ успѣвалъ перейти эту рѣчку прежде, чѣмъ нагнела его погоня, то преслѣдовавшіе сами прекращали свое дальнѣйшее преслѣдованіе, на виду бѣглеца, „побачивши, що вінъ уже на козацій землі“.

Разъ бѣглецъ попадалъ въ Черноморію, онъ или сразу же здѣсь становился козакомъ, или находился нѣкоторое время въ переходномъ положеніи, служа въ качествѣ рабочей силы на хуторахъ, зиповникахъ и въ особенности „въ заброді“, т. е. въ рыболовныхъ ватагахъ. Надо волагать, что первый способъ усыновленія бѣглецовъ практиковался черноморцами на первыхъ порахъ заселенія края, а второй—впослѣдствіи. Такъ или иначе, но, по народному преданію, въ былое время въ Черноморіи многіе козаки во всякомъ случаѣ „выросли изъ падалицы“¹⁾; войско жалю, не сѣявши, и всякіе бѣглецы считались не плевелами, а настоящею пшевицею. Мѣстная, ближайшая и самая побудительная причина такого порядка дѣлъ послала чисто экономическій характеръ. Черноморцы искони чувствовали настоятельную нужду въ рабочихъ рукахъ не только вслѣдствіе постоянной убыли въ мужскомъ населеніи, благодаря губительной войнѣ съ черкесами, но и по причинѣ непрерывнаго отвлеченія рабочихъ силъ этою войною и пограничною службою. Дома жили почти исключительно одни казачки да мало пригодные для труда старики и негодные къ службѣ „граж-

¹⁾ Попка, „Черномор. козаки“, стр. 185.

дане“, т. е. лица, не могшія по физическимъ недостаткамъ выполнять военную службу. При такихъ условіяхъ всякій бѣглець цѣнился прежде всего, какъ рабочая сила. Если онъ былъ одинокъ, то шелъ въ забродъ, если же у него на прежней родинѣ оставалась семья, то въ такомъ случаѣ онъ „приставалъ“ къ какому-нибудь хозяину-хуторянину, наживалъ здѣсь добро въ видѣ „худобы“ и изыскивалъ средства къ тому, чтобы увести въ темную ночь отъ помѣщика и семью. Замѣчательно, что изъ лицъ этого втораго рода, предпочитавшихъ заброду хуторское хозяйство, вышли впоследствии богачи-хуторяне и даже паны. Черноморцы и въ настоящее время назовутъ вамъ еще такія фамиліи и расскажутъ, какъ такой-то за пару воловъ получилъ урядника, а такой-то за жеребца и нѣсколько кобылицъ—пана.

Недобрую память оставило по себѣ на этотъ счетъ панство. Въ бѣглыхъ оно видѣло прежде всего матеріаль, годный для того, чтобы обзавестись на манеръ малороссійскихъ пановъ „подданствомъ“. Уже въ своемъ знаменитомъ „Порядкѣ общественной пользы“, письменномъ актѣ 1 января 1794 г., оно въ лицѣ войсковой старшины постановило, что „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить дозволяется и опредѣлить имъ землю по прилагаемой штатной росписи“. Правда, оно тутъ же оговорило, что „старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, *кроме долговъ*, конми ежели кто будетъ обязанъ, *не имѣтъ воли* выйти, дондеже долгъ хозяину возвратитъ“¹⁾. Послѣдствія показали, куда гнуло панство. Имѣя въ виду захватить часть войсковыхъ земель въ вѣчно-спокойное владѣніе, оно очевидно стремилось образовать изъ себя помѣстный классъ и обзавестись крепостными, какъ это велось на Дону. И дѣйствительно, изъ рескрипта Александра I на имя Ермолова видно, что въ 1820 г. генераль Киселевъ доносилъ о томъ, „что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска черноморскаго *уредили изъ земель онаго частныя владѣнія и по-*

¹⁾ Короленко, Прил. XXVII, стр. 36.

земли на оныхъ крестьянъ“. „Предусматривая, говорится далѣе, что изъ сего произойдти могутъ стѣсненія козаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе, несообразное съ существованіемъ войска черноморскаго и по единому послабленію допущенное установленіе уничтожить, крестьянъ же на войсковыхъ земляхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевести на земли, или въ имѣвія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежація, обратить въ козаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе“. 1) Тѣмъ не менѣе прошло со времени изданія этого рескрипта около 8 лѣтъ, а никто, и даже самъ рыцарскій Ермоловъ, не думалъ приводить его въ исполненіе. По собраніемъ, по распоряженію графа Паскевича, свѣдѣніямъ въ это время считалось по 7-й ревизіи 453 д. крѣпостныхъ, жившихъ у черноморскихъ пановъ въ качествѣ „дворовыхъ людей“, какъ политично поясняется въ доставленныхъ Паскевичу свѣдѣніяхъ. Впослѣдствіи эти крѣпостные были наконецъ зачислены въ козаки.

Съ своей стороны и бѣглецы были не такіе люди, чтобы, избавившись отъ помѣщичьей „пуги“ (кнута), добровольно подпасть подъ козацій „малахай“ (нагайку). Въ число бѣглыхъ всегда попадали самые крайніе протестанты и безъ нихъ, разумѣется, не могло обойдтись дѣло и на Черноморіи. Выше мы сказали уже, что часть бѣглецовъ уходила въ забродъ. Тутъ часто скрывались самыя отчаянныя головы. Здѣсь и жизнь сложилась особеннымъ образомъ: для бѣглыхъ всегда были готовые притоны, содержались лавочные товары, съѣстные продукты и устраивались кабаки 2). Тутъ даже въ наше время имѣютъ обыкновеніе скрываться безпаспортные. И вотъ изъ этихъ-то бѣглыхъ забродчиковъ, разнаго рода табунциковъ и др. темныхъ личностей, ютившихся въ темныхъ уголкахъ Черноморіи, въ свое время и составлялись шайки бурлаковъ, гайдамакъ, которыя жестоко мстили панамъ и богачамъ. Это былъ слабый отблескъ южно-русскаго гайдамачества, и въ народѣ такъ и называли обыкновенно эти шайки грабителей гайдамаками. Архивные документы вѣроятно въ свое время освѣтятъ, но въ чьи-нибудь умѣлыми руками, это любопытное явленіе, если только такіе

2) Бентковскій, «Матеріалы» я пр., стр. 91.

1) Ф. Щербина. «Очерки южно-русскихъ артелей», стр. 192 и 193.

документы „не покрутили на цыгарки“ писаря и сторожа или не продали „на цудъ лавупникамъ“ для завертыванья мыла и салныхъ свѣчей своскорыстные „станичные правители“¹⁾. Вотъ что говорило между прочимъ въ пятидесятыхъ годахъ самое компетентное изъ лицъ писавшихъ о черноморцахъ по поводу затронутого явленія: „отъ времени до времени, на большихъ промежуткахъ, (здѣсь въ Черноморіи) вспыхнетъ застрявшая гдѣ нибудь въ глуши искра былого запорожскаго гайдамачества, и составитя шайка разбойниковъ. Укрываясь въ камышахъ и захолустьяхъ стенихъ балокъ, они нападаютъ на беззачные хутора, цекуть растопленную сѣброу денежныхъ людей, чтобы исторгнуть у нихъ завѣтную кубышку съ карбованцами, преслѣдуются вооруженною силою и гибнуть на вислицѣ“²⁾. Изъ слышанныхъ нами разсказовъ о такихъ шайкахъ, какъ напр. о шайкѣ, ограбившей новоминскаго богача, Клемснчука, явствуеть, что шайки эти отличались традиціонною гайдамаческою организаціею, имѣли ватажковъ, опредѣленные притоны и дѣйствовали въ теченіе довольно значительныхъ промежутковъ времени. Замѣчательно, что въ самыхъ народныхъ сказаніяхъ о приобрѣвшихъ въ былыя времена громкую извѣстность разбойниками, какъ напр. въ сказаніи объ Ябдуковѣ, очень явственно сквозить нота „героической стихіи“. Это были, по устнымъ сказаніямъ, мстители за горе народное, отъ которыхъ круто приходилось „панамъ та дукачамъ“.

Въ архивахъ нѣкоторыхъ станичныхъ правленій сохранился очень интересный документъ, проливающий нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о бѣглыхъ въ Черноморіи и отчасти на ихъ гайдамаческія замашки. Это довольно объемистое дѣло, заключающее въ себѣ свѣденія о бѣглыхъ изъ ростовскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Нижеслѣдующія данныя взяты нами изъ экземпляра уцѣлѣвшаго въ архивѣ новодеревянковскаго станичнаго правленія.

Дѣлая въ 1837 г. распоряженіе о томъ, чтобы прекратить возможность побѣговъ „изъ опредѣленныхъ войсковой земли мѣстъ всякаго рода сомнительныхъ людей“ и пресѣчь бродяжничество,

¹⁾ Къ сожалѣнію, пишущему эти строки недавно приходилось не разъ убѣждаться въ такого рода фактахъ при обзорѣ архивовъ въ нѣкоторыхъ станицахъ.

²⁾ Полка, «Черномор. козаки», стр. 70 и 71.

ейское сыскное начальство препроводило въ новодеревянковское куренное управленіе и подробнѣйшее дѣло о бѣглецахъ изъ екатеринославской губерніи, послужившихъ причиною самаго распоряженія. Изъ этого дѣла оказывается, что изъ имѣній помѣщиковъ Шабельскихъ, какъ жаловался объ этомъ ротмистръ Платонъ Шабельскій въ своемъ прошеніи на имя новороссійскаго генераль-губернатора Воронцова, „съ нѣкотораго времени успились побѣги крестьянъ, которые увлекаются ложными слухами, будто-бы крѣпость Анапа есть мѣсто, дарующее всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, туда уходящимъ, вольность и свободу“. Опираясь на эти слухи, крестьяне уходили въ Анапу, приписывались здѣсь и, взявши паспорта, проживали потомъ въ сосѣдней Черноморіи, изъ которой дѣлали побѣги на помѣщичьи селенія и подговаривали другихъ крестьянъ къ побѣгу. Такъ крестьянинъ села Шабельскаго Семенъ Семенченко, возвратившись изъ Анапы въ іюлѣ 1836 г., „выкралъ“ изъ этого села двухъ своихъ сыновей, „а съ 13 на 14 октября, подговоривъ еще другихъ крестьянъ, отбился съ товарищами вооруженною рукою отъ преслѣдовавшихъ его крестьянъ отца его (Шабельскаго) при рѣчкѣ Ея и, будучи на борзѣхъ и сильныхъ скакунахъ, ушелъ съ товарищами и скрылся въ черноморскихъ степяхъ“. Отсюда Семенченко подговаривалъ къ побѣгу еще 6 крестьянъ изъ той-же деревни и 12 изъ деревни Николаевки. Какъ показывалъ внослѣдствіи одинъ изъ бѣглыхъ, Семенченко соблазнялъ крестьянъ тѣмъ, что „яко-бы въ Анапѣ открыта вольница для всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, и что всякій крестьянинъ, являсь туда и записавшись въ Анапѣ, можетъ получить заочно билетъ на все свое семейство, съ которымъ (билетомъ) имѣетъ право слѣдовать для похищенія семейства изъ подъ владѣнія помѣщичьяго“. Какъ видно изъ дѣла, Семенченко заварилъ, что называется, „крутую кашу“, такъ что крестьяне, по словамъ Шабельскаго, стали уходить изъ имѣній его, жены его и отца „толпами въ Анапу и сопредѣльные мѣста безъ всякой боязни“.

Въ то же время, екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ, было поручено ростовскому земскому исправнику Маяковскому произвести слѣдствіе о побѣгахъ вообще въ этой мѣстности помѣщичьихъ крестьянъ. Маяковскій нашелъ, что „крестьяне, по учященіи побѣговъ, собираются шайками и, наѣзжая на имѣнія за

оставшимися семействами и имуществомъ, вооружаются огнестрѣльнымъ оружіемъ, подъ защитою коего проводятъ цѣлые обозы и идутъ безъ всякаго препятствія чрезъ всю Черноморію за Кубань и въ Анапу“. Основываясь на разслѣдованіяхъ Маяковскаго, мѣстный предводитель дворянства причину такого порядка дѣлъ находилъ въ „ослабленіи“ бѣглецамъ со стороны черноморскаго войска. Такъ онъ два раза просилъ войсковаго атамана генерал-маіора Завадовскаго сдѣлать зависящія отъ него распоряженія о розысканіи его, предводителя, крестьянъ, бѣжавшихъ въ Черноморію, но „г. наказный атаманъ“ по его прошеніямъ „не дѣйствовалъ“. А между тѣмъ, благодаря такому бездѣйствію и послабленіямъ, помѣщики лишились 1759 крестьянъ, „изъ коихъ нѣкоторые прописаны въ Анапѣ, а нѣкоторые таскаются по Черноморіи“. Бѣгали крестьяне отъ самаго предводителя, изъ имѣній гг. Шабельскихъ (отца, сына и его жены), помѣщика Сарондинаки и генеральши Гостемилловой.

Интересны показанія бѣглыхъ крестьянъ Халенка и Давиденка, добровольно воротившихся на родину къ помѣщику Шабельскому. Описавъ подробно путь, по которому они бѣжали мимо Щербиновки, чрезъ Деревянковскую, Каневскую, Переяславскую, Брюховецкую, Джерелевскую, Полтавскую, Котель и на Темрюкъ, первый изъ нихъ характеризуетъ бѣглыхъ, проживавшихъ въ то время по рыболовнымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ Темрюка, какъ людей, которые имѣютъ у себя оружіе — „ружья, пистолеты и пика“, а второй присовокупляетъ о крестьянахъ Головковыхъ (они-же Семенченковы), что крестьяне эти „занимаются разбойничествомъ и ходятъ всегда вооруженные, въ видѣ запорожцевъ“. Головковы были настолько опасный пародъ, что одинъ изъ бѣглыхъ долженъ былъ ихъ обмануть при побѣгѣ на родину, сказавши, что онъ отправляется въ Анапу для прописки; въ противномъ случаѣ они убили-бы его. Съ своей стороны и помѣщикъ Шабельскій послалъ въ Черноморію и въ Анапу своего довѣреннаго человѣка Винникова для розыска бѣжавшихъ. Винниковъ, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ Черноморіи, дѣйствительно нашелъ многихъ крестьянъ своего помѣщика, жившихъ по паспортамъ изъ Анапы. Въ Анапѣ онъ заявлялся къ коменданту графу Цукато, по комендантъ ему сказалъ, что такъ какъ бѣглецы крестьяне Шабельскаго приписаны

уже въ Анапѣ, „то возврату имъ изъ Анапы иѣту“. Въ это время, по словамъ Винникова, въ Анапѣ было приписано „семьсотъ въ одинъ мѣсяць“, какъ говорили ему объ этомъ бродяги, получавшіе паспорта для втораго бродяжничества по всей Черноморіи, и какъ убѣдился онъ по другимъ свѣдѣніямъ.

Такимъ образомъ офіціальныя данныя тридцатыхъ годовъ относительно бѣглыхъ въ Черноморіи ни мало не расходятся съ устными разсказами козаковъ на этотъ счетъ. Въ разныхъ мѣстахъ цитируемыхъ нами документовъ упоминается и о рыболовныхъ забродахъ, какъ о главныхъ притонахъ для бѣглыхъ, и о хуторахъ, гдѣ также скрывались бродяги, и о томъ, что бѣглые составляли шайки, занимались разбоями и ходили всегда вооруженными, „въ видѣ запорожцевъ“. Въ дѣлѣ поименованы также нѣкоторые лица, занимавшіяся пристаподержательствомъ. Такъ въ поводеревянковскомъ куренѣ передерживалъ бѣглыхъ козакъ Смагликовъ, въ старощербиповскомъ—Иванъ Супруненко, въ другихъ мѣстахъ—козакъ Гладій, офицеръ Романъ Сербинъ (ла Бейсугѣ), куренной атаманъ Романъ Коржевскій (около Темрюка), козакъ Дубина и друг. Побѣги видимо производились на виду у всѣхъ и ни для кого не составляли секрета въ Черноморіи. То обстоятельство, что комедантъ Анапы отказалъ повѣршному Шабельскихъ въ выдачѣ бѣглыхъ, даетъ понять, что крѣпостные не совсѣмъ ошибались на счетъ Анапы, какъ мѣста, которое даровало помѣщичьимъ крестьянамъ „вольность и свободу“. Дѣло въ томъ, что, по проекту тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Блудова, дѣйствительно было разрѣшено принимать бѣглыхъ въ Анапѣ и другихъ „закубанскихъ владѣніяхъ“, но положеніе объ этомъ не велѣно было „публиковать“ во избѣжаніе соблазна и смуты среди помѣщичьихъ крестьянъ. Оно, это положеніе, очевидно не составляло тайны и для крѣпостныхъ крестьянъ.

Впослѣдствіи въ Черноморіи также имѣли мѣсто факты въ родѣ отмѣченнаго. Такъ въ 1848 г., при населеніи города Ейска, бродяги заняли въ немъ не послѣднее мѣсто на ряду съ другими поселенцами. Многіе изъ прежнихъ Ивановъ, не помнящихъ родства, и теперь еще здравствуютъ и состоятъ въ числѣ почтенныхъ представителей этого своеобразнаго города. Въ свое время были сдѣланы также распоряженія о томъ, чтобы нѣкоторые станичныя

общества зачислили въ свою среду бродягъ и безпаспортныхъ, жившихъ до того большею частію въ рыболовныхъ мѣстахъ. Такъ изъ приговора ст. Бриньковской за 1879 г. видно, что въ 1858 г. было зачислено въ эту станицу 45 семействъ крѣпостныхъ, „освобожденныхъ отъ г.г. чиновниковъ“ черноморскаго войска, и что съ 1865 по 1872 г. разновременно зачислено, „по распоряженію войсковаго правительства, 10 семействъ безпаспортныхъ людей, скрывавшихся по рыболовнымъ заводамъ“. Общество станицы Новонижнестеблѣвской приговоромъ 1874 г. просило начальство о томъ, чтобы это послѣднее надѣлило землемъ тѣхъ изъ бывшихъ бродягъ и безпаспортныхъ, которые были приняты въ станицу послѣ 1865 г., по распоряженію войсковой администраціи. Въ приговорѣ общества ст. Ивановской за 1871 г. упоминается, что въ эту станицу вѣдѣно было зачислить 25 семействъ безпашменповидныхъ; а приговоромъ 1872 г. тоже общество просило администрацію о томъ, чтобы она причислила двухъ бродягъ, приписанныхъ въ Ивановской станицѣ къ другимъ обществамъ, располагающимъ большими земельнымъ надѣломъ. О зачисленіи бродягъ въ ст. Ахтанизовской видно изъ приговора за 1881 г. Жители ст. Курчанской просили въ 1872 г. о дополнительномъ надѣлѣ земли на 147 душъ бродягъ и безпаспортныхъ, зачисленныхъ въ ихъ общество.

Такъ-то медленно и постепенно угасаютъ чуть не на нашихъ глазахъ тѣ явленія, которыя играли такую видную роль въ прошлой социальной жизни южнорусскаго населенія. Еще и теперь едва ли не въ любой черноморской станицѣ вы встрѣтите какого-нибудь Явтуха или Окатаго Омелья, которые когда-то давнымъ давно зашли изъ Россіи въ Черноморію и, проживъ здѣсь десятки лѣтъ, совсѣмъ забыли и о своей прежней родинѣ, и о паспортахъ; они такъ сжились съ козаками, что сама полиція не тревожитъ ихъ, да и грѣхъ было бы беспокоить этихъ бездомныхъ людей. Это послѣдніе могикане изъ тѣхъ когда-то бродившихъ и неспокойныхъ элементовъ, которые занесены сюда общимъ потокомъ вмѣстѣ съ бѣглыми и бродягами. Но мѣняются времена, мѣняются и обстоятельства. 1861 годъ безповоротно разрѣшилъ вопросъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Съ этого времени побѣги оказались излишніи. И вотъ, почуявъ свободу, не сдерживаемые больше помѣщичьей опекой, крестьяне дали волю своимъ завѣтнымъ желаніямъ, двинув-

шись въ Черноморію толпами въ качествѣ вольныхъ переселенцевъ и увлекая за собою и другихъ. Результаты получились необычайные, хотя и печальные, въ смыслѣ формулированія класса безземельныхъ арендаторовъ. Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ переселенцы эти дали крупную цифру въ 250.000 душъ обоюга пола, т. е. цѣлыхъ 25% мѣстнаго кореннаго населенія. И что же даже теперь оказывается?—Пришла часть переселенцевъ въ ст. Неберджаевскую, поселилась на чужихъ земляхъ, сказала: „это наше; не станемъ платить ренты“ (аренды)—и не платитъ, не смотря на всѣ усилія станичныхъ властей. Заняла другая часть переселенцевъ войсковыя земли, арендуемыя мѣстными коневодчиками на Среднихъ Челбасахъ, и по той-же логикѣ отказалась платить аренду коневодчикамъ и уходитъ съ войсковыхъ земель, не смотря уже въ этомъ случаѣ на вооруженное даже вмѣшательство властей. Отыскала третья часть переселенцевъ пустующія владѣльческія земли за Кубанью — и водворилась на нихъ, какъ дома, считая ихъ Божьими землями, а себя ея ближайшими хозяевами... Видно, въ южно-русской массѣ сильны еще традиціи былаго, видно, по народнымъ воззрѣніямъ, Черноморія искони сулила различнаго рода бѣглецамъ и переселенцамъ не только одну юридическую „вольность и свободу“, но и вольныя, доступныя для труженика земли! Магическое помѣщичьихъ крестьянъ „на Черноморію за волей“ переродилось для теперешнихъ переселенцевъ въ пазойливое „на Кубань за землей“.

Ф. Щербина.